

МАЗУРИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ КОНЦА XVII в. И ЛЕТОПИСАНИЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

В. И. Корецкий

Краткие русские летописцы почти не изучены. Между тем они открывают новые перспективы как в историографическом плане, так и в плане выявления новых фактов и источников XVI—XVII вв., а возможно, и более раннего времени. Большим подспорьем для исследователя служит их описание, предпринятое М. Н. Тихомировым¹. Мазуринский летописец конца XVII в.² довольно сложен по составу. В начале его помещены легендарные сказания о Словене и Русе, Лалохс и Лахерне, Александре Македонском, а также многочисленные известия о мучениях христианских святых, вселенских соборах и других событиях церковной истории, почерпнутые из прологов, святцев, Хронографа 1512 г. Более или менее связанное изложение событий русской истории начинается с рассказа о княжении Игоря и его убийстве дровянами. Но и в дальнейшем заметен постоянный интерес к византийской и русской церковной истории. Составитель обращается к Киево-Печерскому патерику, житиям русских святых, в том числе к житию митрополита Филиппа Новгородского, Четьям-Минеям, «Книге о вере», приговорам церковных соборов, синодикам.

В основу повествования до конца XVI в. положены Степенная книга, на которую есть в тексте прямая ссылка, и Никоновская летопись с добавлениями из хронографов и кратких летописцев. С конца XVI в. использованы Новый летописец, хронографы, летопись о многих мятежах, «дворцовые разряды». Приводя известия по истории западных славян, составитель ссылается на летописцы «чешские и польские», Писание Мефодия Патарского, Хронику Стрыйковского. Конечно, не всеми этими источниками составитель воспользовался в подлинниках. Многие почерпнуто им из Свода 1652 г., откуда взято и заглавие «Книга, глаголемая летописец великия земли Российския великого языка словенского, отколе и в кои лета начаша княжити», Новгородской Забелинской летописи, Синописа. Мазуринский летописец заканчивается уникальным Сказанием о стрелецком восстании

¹ М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

² Там же, стр. 51—52; ЦГАДА, Мазур., № 522. Водяной знак — голова шута с семью лопастями — имеет аналогию, датируемую 1680 г. Палеографические данные не противоречат этому предположению и позволяют отнести составление Мазуринского летописца ко времени не позднее 90-х годов XVII в.

1682 г., обрывающимся на словах: «И сошли с верху к ним (восставшим стрельцам, явившимся в Кремль.— В. К.) от великих государей окольничей Венедихт Андреевич Змеев, а с ним сошел тот жа думный дьяк...» Сказание опубликовано М. Н. Тихомировым³.

Помимо этого Сказания, в руках составителя были и какие-то другие ценные источники. Так, рассказывая о посвящении в митрополиты киевские Максима Грека и о перенесении митрополичьей кафедры из Киева в Москву «ради татарские обиды и непокоя», он ссылается на свидетельство «харатейных древних летописцов». Помещенные в Мазуринском летописце известия о походе Игоря Святославича на половцев и о нашествии татар восходят к Лаврентьевской или какой-либо близкой ей летописи; ранние новгородские известия — к Новгородской первой летописи младшего извода и первой Софийской. Большой интерес представляет упоминание составителя о находившемся в его распоряжении летописце Сидора Сназина. Упомянув о нашествии Батые, он замечает: «А подлишно обо всем ево походе и о войне писано в другом летописце, в моем же, Сидора Сназина» (л. 114). Фамилия детей боярских Сназиных известна по Новгороду. Из нее вербовались в XVII в. приказные новгородских митрополитов⁴. В связи с этим обстоятельством необходимо отметить постоянный интерес Мазуринского летописца к Новгороду (помещение Сказания о разгроме Новгорода Иваном Грозным в 1570 г., упоминания новгородских святых, чудес, происходивших в церкви Вознесения на Павлово улице в Новгороде, и др.). Новгородские известия чередуются с московскими.

Составитель мазуринского летописца располагал каким-то оригинальным сочинением о «смуте». Кратко сообщив о первом самозванце, его бегстве в Литьву и вторжении в Россию, он пояснил: «И то все писано в подлинной книге о московском разорении» (л. 254 об.). Говоря далее о выборе царем Василия Шуйского и о целовании им креста боярам, он снова упоминает, что «то писано в подлинной книге о московском разорении» (л. 258 об.). Обращаясь к Своду 1652 г. и Новгородской Забелинской летописи, мы обнаруживаем в них отсутствие соответствующих отсылок. Они представляют собой компиляцию из Нового летописца, Сказания Авраамия Палицына, «Иного сказания», Хронографа 1617 г. Следовательно, составитель Мазуринского летописца ни к Своду 1652 г., ни к Новгородской Забелинской или близким к ним компиляциям не прибегал, а действительно черпал сведения из какой-то бывшей у него «подлинной книги о московском разорении». Что это за «книга»? Конечно, наиболее естественно предположить, что у него был Новый летописец, где имеются главы о самозванце и о взятии у Шуйского крестоцеловальной записи. Но если составитель Мазуринского летописца и пользовался Новым летописцем,

³ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в.— ТОДРЛ, т. XII. М.— Л., 1956, стр. 448—456.

⁴ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, Новгород, ст. 43741, ч. 1, д. 8, л. 6.

делая выборку, то он располагал одной из ранних его редакций. Как ни сильно проводилось сокращение, но все-таки отдельные следы первоначального текста сохранились, по крайней мере в заголовках. В этом нетрудно убедиться, сравнивая рассказ нашего летописца о воцарении Федора Борисовича с печатным изданием Нового летописца.

Мазуринский летописец

О наречении царевича Федора Борисовича на царство московским царем Российского государства по благословению патриарха Иова и всего освященного собору. И бояря, и все людие крест ему, государю, целовали (л. 257 об.).

Новый летописец

О наречии царевича Федора на царство и о посылке под Кромь. На Москве же бояре и все люди нарекоша на царство царевича Федора Борисовича и крест ему целоваша⁵.

Приведенная в заголовке Мазуринского летописца версия о вступлении на престол Федора Борисовича существенно отличается от версии Нового летописца. Наречение Федора Борисовича происходит «по благословению патриарха Иова и всего освященного собору». Это важное указание на роль Иова в политических событиях, особенно возросшую в обстановке смуты, охватившего правящие круги после смерти Бориса Годунова. В заголовке Нового летописца о патриаршем благословении не сказано ни слова. Из текста Нового летописца следует, что судьбой Федора Борисовича распорядились сами бояре и «все люди», которые «нарекли» его на царство.

Подчеркивание роли Иова в событиях начала XVII в. в Мазуринском летописце заставляет уделить особое внимание такому оригинальному сочинению о «смуте», как История Иосифа, келейника патриарха Иова⁶. История Иосифа — одна из загадок русского летописания, над решением которой исследователи бьются уже долгое время. Впервые это сочинение было введено в научный оборот В. Н. Татищевым, приобретшим его сравнительно поздно, когда работа над «Историей Российской» продвинулась далеко вперед.

О своем приобретении В. Н. Татищев сообщает Шумахеру в июльском письме 1745 г. Здесь он пишет о «Гистории, сочиненной монахом Иосифом, О разорении российском, для политических во оной патриарха Иова рассуждений, а паче многих дел, которых иной никто не упоминает, напечатания достойна; которую тако ж намерен изъяснить, сию тако ж, яко

⁵ ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, стр. 64.

⁶ В других известных современных сказаниях о «смуте» факты, сообщаемые Иосифом, как правило, отсутствуют.

сокровище храню»⁷. В этом письме В. Н. Татищев указывает на то, что в *Истории Иосифа* значительное место уделено патриарху Иову, его участию в политической жизни, обоснованию тех или иных его действий. Вместе с тем В. Н. Татищев, знакомый к тому времени со *Сказанием Авраамия Палицына*, *Новым летописцем*, хронографами, считал нужным подчеркнуть уникальность и драгоценность известий Иосифа («многих дел, которых иной никто не упоминает»).

Об этой редкостной рукописи В. Н. Татищев напоминал Шумахеру в письме от 30 марта 1749 г.^{7а}

Краткая характеристика нового источника дана им также в «Предъизвещении», предпосланном «*Истории Российской*». Делая обзор источников, использованных при ее написании, В. Н. Татищев среди «участных» историй, принадлежавших перу современников — участников событий, упоминает и сочинение Иосифа, теперь как будто сомневаясь в его авторстве: «Иосиф, келейник Иова патриарха, или сам Иов некоторые дела одного ж государя (Ивана Грозного. — *В. К.*) поседния 24 года [описал], но весьма кратко, а по нем до избрания царя Михаила довольно пространно»⁸. Хронологические рамки *Истории Иосифа* обрисованы довольно точно: она начинается с 1560 г. известиями о царствовании Грозного и с 1584 г. превращается в пространный сводный рассказ, доведенный до 1613 г. Авторство Иова, возможность которого предусматривалась В. Н. Татищевым, отвергается, таким образом, простым указанием на факт смерти патриарха в марте 1607 г.

Сложнее обстоит дело с вопросом о том, какое же сочинение имел в виду В. Н. Татищев, когда писал о «*Истории*» Иосифа «О разорении российском». Дело в том, что рукопись сгорела во время пожара в имении В. Н. Татищева в с. Болдино. Сохранилось лишь упоминание о ней в описи библиотеки историка, составленной вскоре после его смерти⁹. Здесь она значится как «*Иосифа история о разорении русском*». Отсюда исследователи заключают, что В. Н. Татищев действительно имел сочинение о «разорении русском», которое он приписывал иноку Иосифу — келейнику патриарха Иова — или самому патриарху.

Поскольку перед тем как охарактеризовать в «Предъизвещении» *Историю Иосифа*, В. Н. Татищев упомянул *Летописец начала царства*, вошедший в *Никоновскую летопись*, С. Ф. Платонов склонен был видеть в *Истории Иосифа* *Новый летописец*, продолжающий в ряде списков *Никоновскую летопись* до 1630 г.¹⁰ Против этого предположения решительно

⁷ Материалы для истории Академии наук, т. VII. СПб., 1895, стр. 492.

^{7а} Исторический архив, т. VI. М.—Л., 1951, стр. 286.

⁸ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 84.

⁹ П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1884, приложения. стр. 56.

¹⁰ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913, стр. 312—313.

высказалась Е. Н. Кушева. Она указала на то, что Новый летописец был известен В. Н. Татищеву и описан далее в обзоре источников при характеристике Никоновской летописи¹¹. По мнению Е. Н. Кушевой, «ни одно из мест, приведенных Татищевым со ссылкой на произведение Иосифа или патриарха Иова, не совпадает с Новым летописцем, не совпадают и хронологические рамки»¹². Последнее соображение бесспорно. Однако утверждение Е. Н. Кушевой о полном несовпадении Истории Иосифа в изложении В. Н. Татищева с Новым летописцем вызывает сомнения.

М. Н. Тихомиров сближал Историю Иосифа с Временником Ивана Тимофеева на том основании, что там кратко рассказывается «о царствовании Ивана IV, начиная с опричнины вплоть до избрания Михаила»¹³. Однако в этих двух памятниках совпадают лишь хронологические рамки. Ни по составу известий, ни по стилю отождествить столь самобытные произведения не удается.

Попробуем свести воедино все прямые ссылки В. Н. Татищева на Иосифа или Иова, разбросанные в его сочинениях. Таких отсылок, включая и его письма, можно насчитать десять¹⁴. Наиболее ранние из них (о лечении Бориса Годунова врачом Строгановых и о религиозном диспуте Ивана IV с Поссевином¹⁵) относятся к концу 1581 — началу 1582 г. Тем самым подтверждается указание В. Н. Татищева на то, что в Истории Иосифа были кратко описаны последние годы царствования Грозного. Краткие летописцы о приезде Поссевина к государю говорят в виде отдельного упоминания¹⁶, либо связывают это событие с ростовским архиепископом Давыдом, обвиненным в «латинской» ереси и сосланным в монастырь «под начал, дождеже в чувство приидет»¹⁷. До нас дошло, наконец, церковное сказание о соборе на Давыда, где говорится и о прении царя с польским послем, происходившим якобы на одном из заседаний собора¹⁸.

В этом сказании причудливо соединены реальные события начала 80-х годов XVI в. Иван Грозный говорил с Поссевином «о вере», но не на

¹¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 124—125.

¹² Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI—начале XVII в.— Исторические записки, т. 45, 1945, стр. 77.

¹³ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской».— В кн.: В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 42.

¹⁴ Е. Н. Кушева. (Указ. соч., стр. 77) пишет о девяти, но она использовала и глухие ссылки, сделанные В. Н. Татищевым в то время, когда он, на мой взгляд, Историей Иосифа еще не располагал. Некоторые же прямые ссылки Е. Н. Кушевой не были известны.

¹⁵ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. II. М.—Л., 1963, стр. 230; Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 24, л. 4.

¹⁶ ГИМ, Ув. 25, 8^о, л. 25 об.

¹⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1824, примечание 627.

¹⁸ ЧОИДР, 1847, кн. 3, стр. 24—30.

церковном соборе, а на приеме в Грановитой палате¹⁹. Еще в начале XVIII в. в архиве приказа Тайных дел хранился «сыск» при Иване IV ростовского архиепископа Давыда «о кресте и богохульных словах по дописительному письму симоновского архимандрита Исайи»²⁰. Фигура ростовского архиепископа Давыда заметная. Он присутствовал на церковных соборах 1580—1581 гг. По П. Строеву, он даже участвовал в каком-то церковном соборе 1578 г. Он упоминается в источниках вплоть до 1583 г., когда был лишен сана; в соборном приговоре 1584 г. об отмене тарханов его подписи нет²¹. Архиепископию Ростовскую и Ярославскую тогда уже представлял Евфимий. Зато есть подпись архимандрита Симонова монастыря Исайи. Все это вполне подтверждает плачевный для Давыда исход дела.

Интерес к разговору Грозного с Поссевином, в котором затрагивался вопрос о папской власти, со стороны писателя-монаха, близкого к первому патриарху, вполне понятен. Возможно, что Иосиф сообщал и о деле Давыда Ростовского.

Следующая по времени ссылка на Иосифа сделана В. Н. Татищевым в связи с рассуждением о первом на Руси выборе государя (Бориса Годунова), приведшем к «великому государства разорению». Одновременно В. Н. Татищев ссылался на свидетельства иностранцев — Петрея, Пуффендорфа, Гваньини и других, а из русских — на Авраамия Палицына²². Иосиф, сообщая много об Иове, постоянно имел в виду и Бориса Годунова, проследившая его карьеру еще с тех времен, когда он находился в приближении у Грозного. Интересовали Иосифа и личные качества Бориса Годунова, обеспечившие ему торжество над политическими противниками. При чем в этих высказываниях, как справедливо заметила Е. Н. Кушева, виден современник событий конца XVI — начала XVII в.: «Монах Иосиф сказует, что он (Борис Годунов. — В. К.) тому, которого погубить намеревался, наиболее ласкал и за великого приятеля почитал, а, погубя, со слезами лицемерно сожалел и тяжкою клятвою свою невинность утверждал: толико тайно людей погубил украдчи, что и до днесь никто не знает, где делось и как украдены»²³.

Отличительной чертой Истории Иосифа было пристальное внимание к социальным событиям, особенно к процессу закрепощения. Если Авраамий Палицын трактовал закрепощение в бытовом плане как ряд насилий помещиков над крестьянами и холопами, то Иосиф рассматривал этот процесс как государственную политику, отмечая колебания Бориса Годунова при ее проведении. Ссылаясь на Иосифа, В. Н. Татищев пишет, что Борис

¹⁹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. X. СПб., 1871, стр. 175—301.

²⁰ ЗОРСА. СПб., 1861, стр. 25.

²¹ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 163; СГГД, ч. I. М., 1843, № 200.

²² ЦГАДА, Портфели Миллера, № 46, лл. 12—13 об.

²³ См.: Н. Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, стр. 787.

Годунов, издав указ 1601 г. о крестьянском выходе, «принужден наки вскоре переменить и не токмо крестьян, но и холопей невольными зделал»²⁴.

Особняком стоит известие Иосифа о «великом в холопех смятении» и о подаче ими царю Василию Шуйскому челобитья, «чтоб не быть рабами»²⁵, ставшее предметом специального изучения в интересной работе Е. Н. Кушевой по истории холопства в конце XVI — начале XVII в.

Крупное место в Истории Иосифа, надо думать, заняло и изложение событий, связанных с появлением и торжеством первого самозванца. Иосиф не мог пройти мимо факта падения Годуновых и Иова. Говоря о Лжедмитрии I, он сообщает сведения, отсутствующие у других писателей — современников «смуты». Он подчеркнул роль русских вельмож, особенно Басманова, якобы воспитавшего самозванца, в подготовке его победы: «И вельможи, хотя совершенно знали, а наипаче Басманов, у которого оной Отрепьев взрос, да мстя погубление государей и знатнейших родов, оному пристали и прежде, нежели знали, кто он, его писмами к тому поощряли и велмож польских уверяли, как монах Иосиф показывает»²⁶. Очевидно, в Истории Иосифа шла речь о тонениях Бориса Годунова на бояр и об ответной реакции русских вельмож при появлении Лжедмитрия I.

Последнее обстоятельство и привлекло внимание В. Н. Татищева, настроенного против современных ему русских вельмож.

История Иосифа служила В. Н. Татищеву источником и при показе того пагубного влияния, которое оказало взятие крестоцеловальной записи у Шуйского боярами и аристократическое засилье во времена «семибоярщины» на развитие событий, приведших к усилению иностранной интервенции и «крайнему разорению» Московского государства. «По свержении Лживодмитрия, или Григория Отрепьева, при безпутном и коварном избрании Шуйского, — пишет В. Н. Татищев, — некоторые вельможи к великому государственному вреду вымыслили взять на него запись, которую вся власть отнята, а поручена в совет Сената, и тако монархию совокупили с аристократиею, а по лишении его престола все правление поручили семи бояром, следственно, сущая аристократия учинена. В сем правлении Мстиславский был старший, которого два раза избирая, на царство просили, но он безнаследия ради отрекся, 2) Воротынский, 3) Лыков, 4) Трубецкой, 5) Князь Васильи, 6) Князь Иван Голицыны, 7) Салтыков. И сии последние три так помощью поляк усилились, что прочие никакой власти не имели. От сего беспутного правительства вскоре государство в такое крайнее разорение и упадок пришло, что едва на части не разделилось, а поляки всем не овладели. Однако ж шведы и поляки многие пределы оторвали,

²⁴ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные.. В. Н. Татищевым. М. 1768, стр. 62.

²⁵ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 361.

²⁶ См.: Н. Попов. Указ. соч., стр. 790.

о чем монах Иосиф или паче Иов патриарх в Истории описал, и я при случае несогласия о правительстве 1730-го Берховному Тайному Совету в представлении пространно изъяснил»²⁷. Конечно, рассуждения о «совокуплении монархии с аристократией» в результате взятия с царя крестоцеловальной записи и об учинении «сущей аристократии» при «семибоярщине», а также наименование «совет Сената» принадлежат самому В. Н. Татищеву. Но в изложении событий от свержения Лжедмитрия I до засилья в Московском государстве поляков и шведов он следовал Истории Иосифа. Примечательно, что В. Н. Татищев заявляет о своей солидарности с Иосифом и в оценке пагубности ограничения царской власти аристократией, сделанной им в записке 1730 г., когда История Иосифа у него еще не было и он придерживался Нового летописца. Впоследствии, однако, как явствует из приведенных текстов, История Иосифа по богатству сообщаемых в ней данных о «смуте» вытеснила в сознании В. Н. Татищева Новый летописец и прочно заняла первенствующее место в ряду русских источников, повествующих о событиях конца XVI — начала XVII в.

Сопоставление выдержек из Истории Иосифа в изложении В. Н. Татищева с Мазуринским летописцем конца XVII в. показывает, что в них говорится и о Григории Отрепьеве, и о взятии с Василия Шуйского крестоцеловальной записи. Совпадает и название Истории Иосифа — «О разорении российском» (или «русском») и той «подлинной книги о московском разорении», которой пользовался составитель Мазуринского летописца. В свою очередь История Иосифа в этих же пунктах пересекается и с Новым летописцем, что заставляет с осторожностью отнестись к мнению Е. Н. Кушевой о независимости друг от друга этих произведений. Отсюда можно заключить, что составитель Мазуринского летописца использовал при своей работе либо Новый летописец ранней редакции, в которой в части до 1613 г. сохранились ссылки на «подлинную книгу о московском разорении», либо непосредственно Историю Иосифа. Это тем более вероятно, что, как удалось установить, История Иосифа была привлечена Тихоном Желтоводским при создании в 70-х годах XVII в. Латухинской степенной²⁸.

* * *

Мазуринский летописец сохранился без конца, что затрудняет установление времени и места его создания, социальной принадлежности составителя. Однако некоторые предварительные соображения на этот счет хотелось бы высказать. Постоянный интерес к церковной истории обличает в составителе Мазуринского летописца лицо если не духовное, то во всяком

²⁷ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 367.

²⁸ Вопросу об использовании Истории Иосифа в Латухинской степенной я намерен посвятить особую статью.

случае весьма близкое к церковным кругам. Использование харатейных летописцев, Истории Иосифа, келейника патриарха Иова, летописца Сидора Сназина, возникшего в среде софийских приказных, Новгородской Забелинской летописи, в которой одни исследователи склонны видеть Иоакимовскую летопись²⁹, а другие, отрицающие эту точку зрения, — все-таки произведение, возникшее в окружении патриарха Иоакима³⁰, постоянный интерес к новгородской истории, факты которой даются в сочетании с событиями московскими, уникальное сказание о стрелецком восстании в Москве 1682 г. — все это, на мой взгляд, ведет нас к окружению патриарха Иоакима (патриаршим приказным или справщикам Печатного двора). В связи с этим необходимо напомнить, что Иоаким до его поставления в патриархи был с 1672 по 1674 г. новгородским митрополитом. В его окружении наблюдался интерес как к стрелецкому восстанию 1682 г. (в умиротворении стрельцов принимал участие сам Иоаким), так и к составлению обширных компиляций «от потопа» до событий правления царевны Софии Алексеевны³¹.

²⁹ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. — Исторические записки, т. 14, 1945, стр. 127; С. К. Шамбинаго. Иоакимовская летопись. — Исторические записки, т. 21, 1947, стр. 254—270.

³⁰ С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960, стр. 63.

³¹ С. Н. Браиловский. Один из пестрых XVII столетия. — Записки Академии наук, т. V, № 5. СПб., 1902, стр. 80, 324—329.